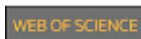

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Казиев Э. В. Социально-политическое положение Алании накануне монгольского завоевания / Э. В. Казиев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 391—411. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-391-411.

Kaziev, E. V. (2022). Socio-Political Situation of Alania on Eve of Mongol Conquest. *Nauchnyi dialog*, 11(6): 391-411. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-391-411. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-391-411

**Социально-политическое
положение Алании
накануне
монгольского завоевания**

Казиев Эдуард Викторович
orcid.org/0000-0003-4386-248X
WoS ResearcherID: L-9777-2018
старший научный сотрудник
kedmon@rambler.ru

Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания
(Владикавказ, Россия)

**Socio-Political Situation
of Alania on Eve
of Mongol Conquest**

Eduard V. Kaziev
orcid.org/0000-0003-4386-248X
WoS ResearcherID: L-9777-2018
Senior Researcher
kedmon@rambler.ru

Institute of History and Archeology
of the Republic of North Ossetia-Alania
(Vladikavkaz, Russia)

© Казиев Э. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования определяется рассмотрением вопросов социально-политического устройства средневекового Аланского государства, которые являются одними из дискуссионных в современной аланистике, что проявляется главным образом в использовании регрессивного или прогрессивного подходов при интерпретации государственного строя Алании, а также в использовании различных подходов при описании ее политического устройства. Избегание указанных подходов при интерпретации социальных и политических порядков в Алании рассматриваемого периода стало научной новизной исследования. Сделан вывод о том, что основой социально-политического устройства Алании в первое сорокалетие XIII века имело место специфическое сочетание форм сюзерено-вассальной иерархии и патриархально-родового демократизма при слабом политическом единстве, поддерживавшемся наличием общей правящей династии, но в реальности представлявшем собой конгломерат нескольких территориально-родовых владений, образованных сетью унилокальных кровнородственных коллективов, способных входить в более широкие внутривнутриполитические объединения, формировавшиеся на основе принципа искусственного родства, которые, возможно, были схожи по своей структуре с известными на Кавказе до середины XIX века сопредельными братствами.

Ключевые слова:

средневековая Алания; политический строй; социальные отношения; источники; концепции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is determined by the consideration of the issues of the socio-political structure of the medieval Alanian state, which are one of the debatable in modern alaniatics, which is manifested mainly in the use of regressive or progressive approaches in interpreting the political system of Alania, as well as in the use of various approaches in describing its political structure. The avoidance of these approaches in the interpretation of social and political orders in Alanya during the period under review has become a scientific novelty of the study. As a result, it was concluded that the basis of the socio-political structure of Alania in the first forty years of the XIII century was a specific combination of forms of the suzerain-vassal hierarchy and patriarchal-tribal democracy, with weak political unity, supported by the presence of a common ruling dynasty, but in reality it was a conglomerate of several territorial and tribal possessions formed by a network of unilocal consanguineous collectives capable of being part of wider internal political associations formed on the basis of the principle of artificial kinship, which, perhaps, were similar in structure to the sworn brotherhoods known in the Caucasus until the middle of the 19th century.

Key words:

medieval Alanya; political system; social relations; sources; concepts.

Социально-политическое положение Алании накануне монгольского завоевания

© Казиев Э. В., 2022

1. Введение = Introduction

Как и ряд средневековых государств Центральной, Восточной и Южной Европы, Алания в 1236—1241 годах подвергалась опустошительному монгольскому нашествию, в результате которого она утратила свой государственный суверенитет, лишилась равнинных территорий, а ее социально-политический строй подвергся значительной трансформации. Эта трансформация, на наш взгляд, является одной из причин, благодаря которым реконструкция социально-политических структур Аланского государства, имевших место в период, предшествующий монгольскому завоеванию, остается в науке дискуссионным вопросом: естественное социально-политическое развитие страны сменилось ее коллапсом, сгенерировавшим новые или воскресившим старые формы социальной и политической организации, затрудняющие для современных исследователей адекватный ретроспективный анализ, что проявляется в использовании различных подходов при интерпретации социально-политической динамики, присущей Алании в IX—XII веках [Гадло, 1994; Кузнецов, 2020; Ванеев, 1989; Малахов, 1992; Бзаров, 2014].

Поскольку канун монгольского нашествия стал последним этапом существования политически независимого Аланского средневекового государства, анализ сведений о нем, содержащихся в немногих синхронных письменных источниках и в обобщенном массиве археологических данных, представляется актуальным, позволяя представить результаты, которые могут стать основой для верифицирования в дальнейших исследованиях различных трактовок его социально-политического строя.

Вместе с тем в представленном исследовании отсутствуют авторские интерпретации качества социально-политического положения Алании в канун монгольского нашествия, основанные на той или иной формационно-стадиальной или социально-групповой концепции исторического развития, хотя в нем и содержится свойственная некоторым таким концепциям терминология, которая, однако, имеет прежде всего историографические коннотации. Это обстоятельство определило новизну исследования: в качестве социально-философской концепции, призванной, среди прочих возможных, послужить основой для оригинальных интерпретаций устрой-

ства средневекового аланского общества и государства, предлагается одна из постструктуралистских концепций исторического развития [Делез и др., 2007; Делез и др., 2010].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящее время почти неизвестны какие-либо синхронные письменные источники, содержащие сведения, характеризующие социально-политический строй Алании в период, непосредственно предшествующий монгольскому завоеванию, то есть в первое сорокалетие XIII века. К небольшому числу такого рода известных источников относятся повествования духовных лиц, как православных, так и католических, оказавшихся волею судеб на территории Алании и составивших ее, пусть небольшое, но непосредственное описание. К этим описаниям относится «Аланское послание» епископа Алании Феодора, представленное Никейскому (Константинопольскому) патриарху Герману II и поместному собору, написанное в Алании 1225 году [Alemany, 2000, с. 236, 239; Малахов, 2022, с. 29—30, 31], а также рассказ католического миссионера, монаха-доминиканца Юлиана, посетившего Аланию в ходе своих поисков так называемой Великой Венгрии в 1235 году [Аннинский, 1940, с. 78—79]. К такого рода источникам также можно отнести и обширный «Словарь стран» — свод географических сведений, известных к тому времени, и личных наблюдений, составленный арабским географом и путешественником Йакутом ар-Руми ал-Амави, который, хотя и не бывал непосредственно в Алании, тем не менее между 1213 и 1224 годами посетил Азербайджан и Среднюю Азию [Калинина, 2015, с. 96].

Наряду со сведениями этих источников для характеристики социально-политических отношений в Алании, конечно же, следует привлечь письменные источники, восходящие в своих сведениях к непосредственным свидетелям или участникам событий, составивших монгольское завоевание Алании, и сведения хроник, записанных спустя непродолжительное время после этого завоевания. К такого рода источникам прежде всего следует отнести жизнеописания аланских военачальников, содержащиеся в китайской официальной «Истории [династии] Юань», где указан реальный социальный статус представителей первого поколения этих военачальников, присягавших монголам непосредственно на Северном Кавказе [Сун Лянь, 1997, с. 3037—3038, 3205—3206, 3208—3210, 3212—3213, 3277—3278, 3280—3281, 3284—3286; Alemany, 2000, с. 407—421], повествования монахов-францисканцев Гийома де Рубрук, Плано Карпини и Бенедикта Поляка [Alemany, 2000, с. 149, 151, 155], а также грузинскую «Столетнюю летопись» [Гаглойти, 2007, с. 54, 185].

Вместе с этими источниками для исследования рассматриваемого вопроса следует использовать и разноязычные письменные источники более раннего периода (X—XII веков), а также археологические, фольклорные и этнографические источники. Однако при этом необходимо понимать, что последние два из указанных видов источников являются косвенными, археологические же источники (если под таковыми понимать главным образом погребальные сооружения и их инвентарь), надежно относимые к XIII веку, на Кавказе практически отсутствуют [Гадло, 1994, с. 170], а письменные источники X—XII веков относятся к предшествующему периоду социально-политического развития Алании, к которому хотя и восходят социально-политические процессы, происходившие в Алании в первой половине XIII века, но который, в отличие от этого времени, характеризуется экономическим подъемом и политической консолидацией. В научной традиции этот период в целом трактуется как та или иная стадия развития феодализма с локальной спецификой, имеющей, однако, различные авторские интерпретации, зависящие от определения степени присутствия в феодальных социально-политических структурах патриархально-родовых порядков, а также от определения степени христианизации населения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Сопоставление сведений письменных источников о социально-политическом положении в Алании, относимых ко времени, непосредственно предшествующему ее монгольскому завоеванию (первая половина XIII века), с аналогичными сведениями письменных источников, относящихся к более раннему (X—XII века) и последующему (вторая половина XIII — начало XV веков) периодам, а также со сведениями о социальных структурах аланского средневекового общества, полученными на археологическом материале и данных кавказской этнографии, позволило предполагать, что основой социального строя Алании в рассматриваемый период были территориально-родовые общины, слабое политическое единство которых определялось прежде всего принадлежностью властных иерархов этих общин к наиболее сильному (царскому) аланскому роду *Ахсартаггата* либо формальным подчинением таких общин этому роду.

3.1. Социально-политическое положение Алании в XI—XII веках

Согласно В. А. Кузнецову, на конец XI века приходится пик развития аланской средневековой государственности, трактуемой им как система взаимодействия различных синтезов: *феодального*, соединяющего разнородные компоненты социальных институтов патриархально-родового и нарождающегося раннефеодального обществ; *христианского*, соединяющего элементы православной религии и дохристианского религиоз-

ного субстрата; а также *этнического*, соединяющего, согласно принятой В. А. Кузнецовым версии этногенеза осетин, элементы гетерогенной этнической среды в единый осетинский народ [Кузнецов, 2020, с. 270, 279]. Этот пик развития, как полагает исследователь, имел своей причиной экономический подъем, вызванный, в свою очередь, достижением вершины могущества Византийской империи, которое в целом пришлось на период правления Василия II Болгаробойцы (958—1025): Западная Алания была связана с Византией своим ключевым участием в международном товарообмене, осуществляя его через перевалы Главного Кавказского хребта, расположенные на одной из магистралей Великого шелкового пути [Кузнецов, 2020, с. 271]. Экономические и торговые связи с Византией были одними из факторов, способствовавших генезису аланской государственности, которая тем не менее, по В. А. Кузнецову, не распространяется однозначно на все территории проживания алан, поскольку территория государства как административно-политического образования того или иного народа не всегда всецело совпадает с общей территорией его проживания. Территориально раннефеодальная аланская государственность В. А. Кузнецовым соотносится с Западной Аланией, где в Верхнем Прикубанье, согласно данным археологии и сохранившимся памятникам церковной архитектуры, могла располагаться аланская столица и располагался центр Аланской епархии, являвшиеся средоточием светской и духовной властей для подвластной территории [Кузнецов, 2014, с. 139—140].

Ряд других исследователей также характеризует средневековую Аланию как раннефеодальное государственное образование, не противопоставляя при этом Западную Аланию Восточной. Так, В. М. Бибиков полагает, что в X—XII веках аланское государство было раннефеодальным с чертами патриархального и переживало период наивысшего могущества при имевшейся «тенденции к государственной раздробленности» [Бибиков, 1999, с. 288—289]. Раннефеодальной монархией представлял Аланию в X—XIII веках А. В. Гадло, уточняя, что политически эта монархия замыкалась на одну из древнеаланских родовых групп, имя которой зафиксировано в грузинской «Столетней летописи» анонимного автора XIV века как *Ахасарпакайан / Ахасарфакиан / Ахсариакан* (осет. *Ахсартаггата*) [Гадло, 1994, с. 165; Гаглойти, 2007, с. 54, 185]. Схожую точку зрения высказал О. Б. Бубенок, утверждающий, что возникшее в X веке на Северном Кавказе аланское раннеклассовое государство не имело сильной централизованной власти и, вероятно, политически представляло собой племенной союз, возглавляемый родовыми вождями (царями), распавшийся к началу XIII века [Бубенок, 2004, с. 22].

С другой стороны, С. Н. Малахов отмечает, напротив, регресс феодальных отношений в Алании, начавшийся с конца XI — начала XII веков и

продолжавшийся вплоть до монгольского завоевания, которое сопровождалось «дезурбанизацией и депопуляцией складывавшихся ранее городских центров, номадизацией хозяйственного и бытового уклада, а также выселением части алан из Предкавказья в степи Закубанья и Подонья» [Малахов, 1992, с. 159—160, 164], предполагая, что Аланская митрополия воспринималась ее иерархами не в определённых государственных границах, но как «этническая епархия», к которой относились и аланы, проживавшие за пределами Северного Кавказа [Малахов, 2022, с. 34].

Компромиссную точку зрения представил З. Н. Ванеев, полагавший, что аланское общество X—XII веков находилось в стадии разложения патриархально-родового строя, возникновения в нем классов и перехода к государству, при том что в предмонгольский период классовое деление было более выраженным, чем в осетинских обществах XIV—XV веков, не имевших, пусть и слабого, единства прежней политической организации [Ванеев, 1989, с. 331—332].

О социальной организации аланского общества дают представление сведения, полученные С. Н. Савенко на основе анализа большого археологического массива данных о составе воинских инвентарных наборов, содержащихся в погребальных комплексах грунтовых катакомбных могильников X—XII веков диахронно подвижного центрально-кавказского ареала (от Верхнего и Среднего Притеречья до Верхнего и Среднего Прикубанья) аланской археологической культуры (при известной дискуссионности самого этого понятия), в котором, по мнению автора, локализуется этносоциальное ядро Алании [Савенко, 2017, с. 23—24, 34—35]. Согласно С. Н. Савенко, в аланском обществе этого периода фиксируется шесть мужских групп: 1) знатные зажиточные всадники или их родственники, как правило, погребенные с полным набором оружия, а также с поясом и конской сбруей; 2) всадники среднего слоя, не имевшие возможности (или права) погребения с конской сбруей, возможно, не имевшие в личной собственности коня, предоставлявшегося общиной или родственно-семейным коллективом; 3) всадники низшего слоя, не имевшие в своем погребальном инвентаре не только конской сбруи, но и отдельных видов оружия (сабель, луков), замещенных предметными символами (деталью ножен, колчанов, единичными наконечниками стрел); 4) пешие воины-общинники, чья причастность к осуществлению воинской функции могла выражаться в наличии в погребальном инвентаре их комплексов некоторых видов оружия, прежде всего секир, которые могли быть их единственным вооружением; 5) мужчины и, возможно, некоторые женщины, погребенные с деталями пояса; 6) мужчины, занятые в производственной сфере, чьи погребения не маркированы каким-либо инвентарем, относящимся к исполнению воинской функции. Общая доля за-

хоронений, относящихся к первой группе, то есть к родовой аристократии, от всего массива рассмотренных автором погребальных комплексов колебалась в пределах 6,4—8,2 % [Савенко, 2017, с. 189—190, 198].

Тем не менее автор этого анализа полагает, что в науке сейчас нет однозначных оснований, позволяющих определять аланскую знать этого периода как раннефеодальную, поскольку отсутствуют сведения о характере взаимоотношений между слоями реконструируемых общественных структур, об отношениях собственности, поземельных отношениях, а также о формах эксплуатации. Рассматривая отсутствие «обособленных отдельных участков или могильников аристократии» в проанализированных им археологических материалах как признак незавершенности классового общества, С. Н. Савенко утверждает, что аланский правящий класс той эпохи продолжал оставаться частью своей территориально-родовой общины, предлагая называть представителей этого класса «феодализирующейся общинной верхушкой» — термином, близким, по мнению автора, термину «феодализирующаяся родовая аристократия», предложенному В. А. Кузнецовым [Савенко, 2017, с. 198].

К схожим выводам ранее пришел З. Н. Ванеев, полагавший, что основным социальным классом в аланском средневековом обществе были свободные общинники, среди которых начали выделяться влиятельные семьи и родовые группы, впоследствии ставшие феодалами (*алдарами*), тогда как менее сильные роды попадали в зависимость от родовой аристократии и становились зависимыми общинниками (*фарсаглагами*), притом что он также полагал, что конкретные сведения о характере классовых отношений в Аланском царстве отсутствуют [Ванеев, 1989, с. 332]. Вероятно, схожий процесс описан в грузинской хронике начала XV века «Памятник эриставов», освещающей историю одного из аланских княжеских кланов со времен монгольских походов 1236—1240 годов до нашествия Тимура в конце XIV столетия. Потомки младшей ветви аланского царского дома (Сидамоновы), переселившиеся на южную сторону Главного Кавказского хребта в верховья реки Ксан / Чысандон, прошли путь от локальных военных предводителей до наследственных аристократов (*эриставов*), управлявших обширной территорией и входивших в свиту грузинского царя [Гутнов, 2009, с. 94—95]. В литературе эти события также датируются VI—VII веками, однако хронология не меняет их сути, и для нашей работы ее анализ не является принципиальным вопросом, хотя сами сведения о такой датировке рассматриваются как легендарные [Ванеев, 1989, с. 326—327].

3.2. Сведения письменных источников о социально-политическом положении Алании в рассматриваемый период

Как бы там ни было, тенденции к децентрализации и социальной дезинтеграции, независимо от их прогрессивной или регрессивной интер-

претации в литературе, в первой половине XIII века превратились в социально-политический кризис, о котором сообщают синхронные письменные источники. Согласно сведениям монаха-доминиканца Юлиана, епископа Алании Феодора, а также Йакута ар-Руми ал Хамави, в годы перед монгольским вторжением и непосредственно перед ним государственная власть в Алании была слабой, а аланское общество не было единым. Ибн Йакут сообщает о том, что Алания — это обширная многонаселенная страна, расположенная в горах Кавказа, а «среди ее жителей есть мусульмане, но большинство христиане; они не подчиняются ни одному царю, и каждое племя имеет своего вождя. Их манеры грубы, их нрав жесток и хищен» [Barbier de Meynard, 1861, с. 51].

По сообщению же монаха-доминиканца Юлиана, прожившего вместе со спутниками в Алании почти всю вторую половину 1235 года, «жители ее представляют смесь христиан и язычников; сколько [там] селений, столько и вождей (*duces*), и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села... И если кто из них по какому-либо случаю убивает человека, то за это не получает ни кары, ни благословения» [Аннинский, 1940, с. 73, 78—79, 96—97]. Уточним, что в письме речь идет о западной части Алании, поскольку Юлиан, описывая свой маршрут, указывает, что отправился со своими спутниками из Матархи и через тринадцать дней, пройдя через пустыню, они оказались в Алании, границы которой переводчик и комментатор этого письма С. А. Аннинский тем не менее определяет рр. Терек, Кума и Яик [Аннинский, 1940, с. 78], тогда как С. В. Жарко локализует ее в междуречье рр. Северского Донца и Дона [Жарко, 2014, с. 209], а В. А. Кузнецов, О. Б. Бубенок, как и Ф. Х. Гутнов, — на Северном Кавказе [Кузнецов, 1971, с. 237; Бубенок, 2004, с. 17; Гутнов 2014, с. 101—102].

Однако в жизнеописаниях аланских военачальников китайской официальной «Истории [династии] Юань» однозначно говорится о наличии верховного правителя в Алании по имени *Ханхусы*, а также о вассальных отношениях между этим правителем и некоторыми аланскими владетелями, покорявшимися монголам вместе с ним (*Еле-Бадуэр*, *Негула*) [Сун Лянь, 1997, с. 3205, 3208, 3037; Alemany, 2000, с. 407, 409, 412]. Другие же сведения, представленные в «Истории [династии] Юань», напротив, подтверждают приводимые выше мнения и сведения источников о политической раздробленности в Алании, поскольку сообщают о том, что часть аланских владетелей, присягнувших монголам (*Бадуэр* и его братья *Матаэрша* и *Уцзоэрбухань*), приняли участие в осаде и штурме аланского города *Майгэсы* (Магас, см. ниже). При дискуссионности мнений о местоположении этого города, его аутентичном названии и значении этого названия, под-

робно и обстоятельно рассмотренных в работе А. А. Туаллагова [Туаллагов, 2017, с. 527—561], можно заметить, что не вполне обоснованным, на наш взгляд, считается принятое в науке мнение о том, что столицей Аланского государства в период его монгольского завоевания был именно город Магас [Фидаров, 2011, с. 14; Гутнов, 2014, с. 105; Туаллагов, 2017, с. 528]. Этот город столицей Алании называет лишь аль-Масуди, но его труд относится к первой половине X века, тогда как ни в «Сокровенном сказании монголов», ни в китайской «Истории [династии] Юань», ни в персидских хрониках Джувейни и Рашид ад-Дина, а все три хроники являются хрониками монгольских правящих династий, ничего не говорится о том, что Магас был аланской столицей [Рашид ад-Дин, 1960, с. 39; Genghiz Khan, 1997, с. 269; The Secret History, 2004, с. 267, 268—270].

В подтверждение этому предположению можно привести сведения из все той же «Истории [династии] Юань», сообщающей о том, что упомянутый аланский правитель *Ханхусы* вместе со своими вассалами присягнул завоевателям, а затем в ту же компанию присягнувшим аланам вместе с монголами пришлось штурмовать аланский город Магас: «Ханхусы, родом ас, государь страны асов. [Когда] войско Тай-цзун [Угэдэя] достигло пределов его страны, Ханхусы пришел [и] покорился во главе [своего] народа, [ему] были пожалованы звание батура, золотая пайцза [и] было позволено остаться правителем [над] своим народом. Затем [ему] было высочайше велено набрать из асов тысячное войско и вместе со своим старшим сыном Атачи сопровождать [будущего] императора [Мункэ] в походе» (*Ханхусы, асу ши, чжу асу го. Тай-цзун бин чжи ци цзин, Ханхусы шуай чжун лай цзян, цымин бадур, си и цзинь фу, мин лин цы туминь. Сюнь фэнчжи сюань асу цзюнь цянъ жень, цизи чанцзы Атачи хуцзя цинь-чжэн* / 杭忽思, 阿速氏, 主阿速國。太宗兵至其境, 杭忽思率衆來降, 賜名拔都兒, 錫以金符, 命領其土民。尋奉旨選阿速軍千人, 及其長子阿塔赤扈駕親征) [Сун Лянь, 1997, с. 3205; Alemany, 2000, с. 410]; «Бадур, родом ас... В то время, когда Сянь-цзун [Мункэ] только намеревался стать правителем, [Бадур] вместе со своими старшими братьями Уцзоэрбуханем и Матаэршой привел множество [воинов и] изъявил покорность. Матаэрша последовал за Сян-цзуном [в] поход [на] город Майгэсы, командуя передовым отрядом, [и] был ранен двумя стрелами, [но] мужественно сражался и взял этот город» (*Бадур, асу ши... Сянь-цзун цзай цяньди юй сюн Уцзоэрбухань ци Матаэрша шуай чжун лайгуй. Матаэрша цун Сян-цзун чжэн Майгэсы чэн, вэй цяньфэн цзян, шэнь чжун эр ши, фэньчжань ба ци чэн* / 拔都兒, 阿速氏。。。憲宗在潛邸, 與兄兀作兒不罕及馬塔兒沙帥衆來歸。馬塔兒沙從憲宗征麥各思城, 為前鋒將, 身中二矢, 奮戰拔其城。 [Сун Лянь, 1997, с. 3212; Alemany, 2000, с. 415].

Такое положение дел, вероятно, могло сложиться только в том случае, если Магас и столица Алании не были в это время одним и тем же городом и входили, как предполагается, в два разных аланских политических образования: известное противопоставление в «Церемониях» Константина Багрянородного экзусиократора Алании и архонта Асии, расположенной у «Каспийских ворот» [Alemany, 2000, с. 176—177]. О существовании нескольких локальных центров в Алании в конце XIII и начале XIV веков говорит З. Н. Ванеев, относя к таковым равнинный город Деяков и горный Нузал, что стало, по его мнению, следствием распада к указанному периоду средневекового Аланского царства [Ванеев, 1989, с. 326].

С другой стороны, справедливо и замечание А. В. Гадло о том, что концепция о существовании двух племенных союзов (аланского и асского), двух правящих родов и о двух направлениях развития аланской государственности, предложенная В. Ф. Минорским и развитая и обоснованная В. А. Кузнецовым с помощью археологических данных, не подтверждается сведениями синхронных грузинских летописей и византийских источников (нарративные источники, епархиальные списки), ничего не сообщающих о разделении Алании на две части, а само выделение области Асия с архонтом во главе, имеющееся в упомянутом трактате «О церемониях» Константина Багрянородного, отражает политическое положение в Алании, характерное только для середины X века [Гадло, 1994, с. 161]. Аналогичное предположение ранее высказал З. Н. Ванеев [Ванеев, 1989, с. 174].

В подтверждение этих предположений можно привести надпись на мольбдовуле из Анакопийской крепости, относимом ко второй половине XI века, в которой аланский правитель, связываемый исследователями с царем Дургулелем или его сыном Константином, назван «протопроедром и экзусиократором всей Алании» [Малахов, 2017, с. 106—105]. Анализ же сведений о социальном статусе аланского военного деятеля Урдура, содержащихся в таких грузинских источниках, как «Летопись Картли» и «История царства грузинского» царевича Вахушти, также позволяет относить наличие сюзерено-вассальных отношений в Аланском царстве ко времени не позднее 30-х годов XI века [Гаглойти, с. 2007, с. 219—220; Мамиев, 2016, с. 20], тогда как само наличие экзусиократора и архонта в Алании могло иметь характер противопоставления центрального правителя и удельных владетелей [Гутнов, 2007, с. 256].

Вместе с тем, по мнению А. В. Гадло, к 30-м годам XII века в политическом пространстве Алании начали проявляться центробежные тенденции, позволившие консолидироваться асским группам, и в начале XIII века Алания являлась уже двуединым политическим образованием, что, по мнению исследователя, подтверждается сведениями арабского историка ал-Гарнати

о существовании на Кавказе асского и аланского языков [Путешествие, 1971, с. 26], а также китайской картой 1331 года, в сведениях которой, основанных на монгольских свидетельствах эпохи завоевания Восточной Европы, указан двойной этноним — аланы-асы, в котором вторая часть этого этнонима соотносится с асской общностью, занимавшей предгорные степи западной части Центрального Кавказа, одна часть которой после монгольского разгрома ушла в Крым, тогда как другая — отошла в горы, где была инкорпорирована другими аланскими общинами [Гадлю, 1994, с. 162].

Однако следует уточнить, что сведения ал-Гарнати относятся к середине XII века, тогда как в сведениях арабского историка середины XIII века ибн Са‘ида народы *ал-‘алан* и *ал-ас* называются соседними народами, похожими по своим обычаям и вере, хотя и относимыми к туркам [Коновалова, 2009, с. 15, 39—40]. Издатель и переводчик «Географии» Ибн Са‘ида И. Г. Коновалова, указывая в своем комментарии на возможность именования *асами* в этом источнике тюркоязычных болгар, бывших частью населения Алании, в другом комментарии замечает, что термином *ат-турк* арабские авторы после монгольского нашествия обозначали наряду с монголами и основную массу «кочевого населения евразийских степей» [Коновалова, 2009, с. 44]. Но аланы и асы в это время уже много столетий не являлись кочевым народом, и сведения о тюркоязычности асов и алан, представленные ибн Са‘идом, вероятно, восходят к географическому сочинению аль-Идриси (1154 год), которое было главным источником для Ибн Са‘ида [Коновалова, 2009, с. 10], хотя и не всегда, как видно, воспринимаемым им критически. Кроме того, арабоязычный писатель Ибн аль-Асир, описывая известный рейд монгольских полководцев Джэбэ и Субэдэя на Северный Кавказ, отличает алан от тюрок [Ванеев, 1989, с. 166].

Что касается китайской карты, которая некоторыми исследователями почему-то считается «мусульманского происхождения» [Хотко, 2015, с. 55], то ее историографическому представлению и описанию посвящена наша специальная работа [Казиев, 2022]. Здесь же вкратце заметим, что приводимые на ней названия имеют явное соответствие с географическими названиями, приводимыми в приложении «Земли северо-запада» раздела «Трактаты» китайской официальной «Истории [династии] Юань». Название *а-су* вместе с названием *а-лань* в этом приложении представлено лишь единожды: среди описания земель, подчиненных Узбеку, правившему Улусом Джучи в 1313—1341 годах, называются земли *а-лань а-сы* / 阿蘭阿思 [Сун Лянь, 1997, с. 1570; Казиев, 2022, с. 22, 24]. Впрочем, даже один этот случай дает основания указать на взаимозаменяемость слов *а-лань* и *а-су* в китайских источниках, относимых к династии Юань. Добавим, что аланы, упоминаемые в повествовании Марко Поло, и асы из «Истории [династии]

Юань», как и аланы / асы, упоминаемые в повествованиях Плано Карпини и Гийома де Рубрук, в науке давно рассматриваются как представители одного и того же народа, локализуемого на Кавказе [Pelliot, 1959, с. 17—23]. Само же именование в китайской официальной хронике юаньской династии аса *Ханхусы* «государем страны асов» недвусмысленно указывает на его формально-властный статус (см. выше), хотя страна, которой он правил, на момент монгольского нашествия, конечно же, не имела крепкого политического единства, подрываемого противопоставлением центральной власти верховного правителя и локальным влиянием родовой аристократии.

Возможно, деструктивные тенденции в аланском политическом пространстве усилились после упомянутого рейда монгольских полководцев Джэбэ и Субэдэя. Т. А. Гуриев отмечает возможное изменение политического положения в Алании между этим рейдом и Западным походом монголов, то есть между 1222 и 1236 годами, поскольку туменам Джэбэ и Субэдэя в Алании было оказано организованное сопротивление и неизвестно, чтобы кто-либо перешел на сторону врага, хотя часть аланских князей в западной части страны, по мнению исследователя, и воздержалась от участия в военных действиях, тогда как во время Западного похода ничего подобного уже не было [Гуриев, 2010, с. 84, 85]. С. Н. Малахов также полагает, что рейд Джэбэ и Субэдэя не затронул Западную Аланию, поскольку об этом ничего не сообщается в «Послании» епископа Феодора [Малахов, 2022, с. 31].

Вместе с тем отсутствие единства в сопротивлении завоевателям может быть вызвано не только внутривнутриполитическими причинами, но и внешним фактором: при несопоставимости военной мощи монгольских туменов Джэбэ и Субэдэя с мощью туменов, руководимых чингизидами Мункэ и Гуюком, действовавших в Алании во время Западного похода, очевидно, что какая-то часть аланской элиты выбрала, как и святой русский князь Александр Невский, компромисс с завоевателями и отправилась подавлять сопротивление, но не в славянском Великом Новгороде, как это делал князь Александр в 1256—1257 годах во время проводившейся там монголами переписи населения [ПСРЛ. т. 42, с. 118, л. 330], а в Алании, как это делали упомянутые выше *Бадур* и его братья, а также аланский правитель *Ханхусы* и *Аэрсылань*, управлявший одним из аланских городов [Сун Лянь, 1997, с. 3038; Alemanu, 2000, с. 410, 408], бывшим, вероятно, локальным центром одной из аланских территориально-родовых общин.

3.3. Характеристика социально-политического строя Алании

Во главе этих общин стояла родовая аристократия, а сами общины, возможно, были организованы по типу соприсяжных братств, имевших клановую структуру и распространенных на Кавказе как этнографический феномен вплоть до середины XIX века [Казиев, 2018, с. 45]. Предполагает-

ся, что одним из возможных титулов представителей этой родовой аристократии, осуществлявших воинскую функцию, был *багатар*, впоследствии ставший одним из царских аланских титулов [Гутнов, 2008, с. 213] и за три столетия (с X по XIII века) превратившийся в престижное имя членов правящей династии Алании, которое носили три аланских военачальника, упоминающиеся в «Истории [династии] Юань»: *Еле-Бадур*, *Бадур* и *Шила-Бадур* [Сун Лянь, 1997, с. 3208, 3212, 3284; Alemany, 2002, с. 78, 80].

Однако следует заметить, что *багатар* / *баатур* первоначально было одним из почетных званий и среди монгольской родовой аристократии, затем — званием наиболее деятельных в военном плане помощников-друзинников Чингизхана, а в «Истории [династии] Юань» *бахадур* / *бадур* / *баду* уже является званием военачальников монгольской армии, отличившихся в боях (что и демонстрирует содержание жизнеописаний аланских военачальников, указанных А. Алеманем), и этого же звания, согласно уже Григору Акнерци, могли удостаиваться военачальники союзных монголам грузинских и армянских войск [Кушкumbaев, 2015, с. 137, 139, 140], Вместе с тем К. П. Патканов, комментируя сведения из «Истории народа стрелков» Григора Акнерци о грузинских и армянских князьях в войске внука Чингизхана Хулагу, называемых «богатырями», отмечает взаимозаменяемость слов ‘войско’ и ‘князь’ во всем тексте указанного источника, поясняя, что князь в Армении и Грузии набирал дружину из своих подданных, для которых он был «природным начальником», а не «назначенным» [Григор Акнерци, 2019, с. 40], очевидно, также имея в виду территориально-родовой характер местной княжеской власти.

Возможно, что территориально-родовые общины стали той социально-политической основой, благодаря которой был вновь упорядочен аланский социум, сконцентрировавшийся в горной зоне Центрального Кавказа после потери Аланией равнинных земель, случившейся вследствие событий XIII—XIV веков. В Алагирском обществе, социальное устройство которого считается наиболее архаичным в Осетии, со времени XV века прослеживается (полагаемое регрессивным) соотношение сословно-феодальной иерархии и патриархального демократизма, позднее принявшее социально-политическую форму гражданской территориальной общины, состоявшей из равноправных свободных граждан, связанных единством земельных прав и включенных в иерархию коллективов, номинально восходящих к аланскому царю Ос-Багатару и его сыновьям: индивидуальная семья — фамилия — селение — колено — гражданская община [Бзаров, 2014, с. 13, 23—24, 33, 49].

3.4. Теоретическая дискуссия

Что касается сложного вопроса о прогрессивности или регрессивности аланского общества и сущности его политических институтов в рас-

смотренный период, то, заметим, что сама его постановка характерна для научных интерпретаций, основанных на той или иной формационно-стадиальной концепции исторического развития. С точки же зрения одного из постструктуралистских философских направлений, — хотя и представляющего универсум феноменов бытия не как отношение, а как желающее производство (производство нехватки), но определяющего движущие силы истории вне понятий той или иной социально-групповой теории, — любой социум можно мыслить как одну из форм общественной машины (некой совокупности функциональных элементов), задачей которой всегда было производство и / или упорядочивание различных потоков человеческого желания (земли, воды, людей, пищи, сырья, знаний, техники, финансов и т. п.) через их кодирование, запись или регистрацию. Когда возможностей исторически первичной в приводимом ниже ряду *территориальной* общественной машины (общины), основанной на земельном коде (земельных правах), оказалось недостаточно для такой кодировки, *деспотическая* общественная машина (государство) заместила собой территориальную, присвоив ее порядки, а затем деспотическую машину поглотила *капиталистическая* общественная машина с ее сверхкодом денежного знака [Делез и др., 2007, с. 58]. На этом основании предполагается, что, даже используя диалектический метод, возникновение государства нельзя объяснить ни развитием производительных сил, ни развитием сил политических, поскольку именно само государство является той причиной, которая обеспечивает возможность конституировать потоки любых излишков и осуществлять соответствующие публичные властные функции — именно государство «обеспечивает возможность различения между правителями и управляемыми», увековечивая и сохраняя органы власти: существует древняя схема — «от кланов к империям» или «от банд к царствам», однако ничто в этой схеме не говорит о том, что в ней имеет место эволюция, «поскольку банды и кланы не менее организованы, чем царства-империи» [Делез и др., 2010, с. 597, 600, 602].

К примеру, все действия Чингисхана по устройству Великого монгольского улуса (общины, орды, государства), произведенные им в 1206 году и явившиеся следствием проведенной им же этно-социальной революции в степи (смены этнической элиты с кереитов на монголов, а родовых вождей — на ханских нукеров [Головнев, 2009, с. 406]), тогда отличались лишь масштабом и широтой и не являлись принципиально и качественно новыми в сравнении с теми действиями, которые он произвел, когда впервые был провозглашен правителем небольшого улуса, ядром которого стали члены его рода и племени, а также его ближайшие сподвижники из других племен [Кычанов, 1997, с. 190, 192]. Впрочем, общественная организация

оседлых и кочевых обществ имеет различные функции: оседлое общество распределяет закрытое пространство среди людей (или зверей), назначая каждому его долю и управляя коммуникацией между долями; тогда как общество кочевников распределяет людей (или зверей) в открытом пространстве — пространстве неопределенном [Делез и др., 2010, с. 639].

4. Заключение = Conclusions

Как видно, для интерпретаций разнообразных сведений о социально-политическом устройстве средневековой Алании можно использовать разные теоретические основания. Однако даже проведенный анализ позволяет утверждать, что основой социально политического устройства Алании в первой половине XIII века было специфическое сочетание форм сюзерено-вассальной иерархии и патриархально-родового демократизма. При дискуссионности вопроса о регрессивности или прогрессивности аланского общества и его политического устройства в первой половине XIII века, требующего дальнейших исследований и теоретических интерпретаций, не вызывает сомнений отсутствие политического единства в Алании как минимум в 30—40 годы XIII века. Возможно, что Алания в первую половину XIII века политически представляла собой слабо централизованное единство нескольких территориально-родовых владений, сформированных вокруг укрепленных поселений (городищ), расположенных главным образом в зоне Верхнего и Среднего Притеречья и Верхнего и Среднего Прикубанья, управлявшихся правителями из рода *Ахсартлагата* или формально подчинявшихся им. Можно предполагать, что в социальном плане эти территориально-родовые владения образовывались сетью различных унилокальных кровнородственных коллективов, входя в более широкие политические объединения на основе принципа искусственного (декларативного) родства, возможно, схожие по своей структуре с известными на Кавказе соплеменными братствами. Внутриполитическая и социальная неоднородность вместе с внешнеполитической нестабильностью, также характерной для указанного периода, провоцировали частые междоусобицы, которые не позволили организовать в Алании единое сопротивление завоевателям, но, напротив, имели следствием быстрое военное поражение Аланского государства.

Источники и принятые сокращения

1. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе / Л. И. Аннинский // Исторический архив. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1940. — Том 1. — С. 71—112.
2. Гаглойти Ю. С. Алано-Георгики. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах / Ю. С. Гаглойти. — Владикавказ : Ир, 2007. — 238 с. — ISBN 5-7534-0388-3.

3. *Григор Акнерци*. История народа стрелков / Григор Акнерци // Золотая Орда в источниках. Армянские источники / Сост. введ. ст., комм. Р. П. Храпачевского. — Москва : «Центр по изучению военной и общей истории», 2019. — Т. 5. — С. 17—122.
4. *ПСРЛ. Т. 42* — Полное собрание русских летописей. Новгородская Карамзинская летопись. — Санкт-Петербург : «Дмитрий Буланин», 2002. — Т. 42. — 224 с.
5. *Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу* / Пер. с арабского, вступ. статья и примеч. О. Г. Большакова, историч. коммент. А. Л. Монгайта. — Москва : Главная редакция восточной литературы, 1971. — 137 с.
6. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Рашид ад-Дин ; Пер. с перс. Ю. П. Верховского, прим. Ю. П. Верховского, Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1960. — Т. II. — 253 с.
7. *Сун Лянь / 宋濂*. История [династии] Юань / 元史 / Сун Лянь. — Пекин / 北京 : Китайское книжное издательство / 中華書局, 1997. — Т / 冊. 5. — С. / 頁 1265—1585 ; Т / 冊10. — С. / 頁 2869—3180 ; Т / 冊11. — С. / 頁 3181—3470.
8. *Alemany A. Sources on the Alans : a critical compilation* / A. Alemany. — Leiden, Boston, Köln : Brill, 2000. — 460 p. — ISBN 9004114424.
9. *Barbier de Meynard Ch. Yaqt ibn'Abd Allah al-Hamawi. Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse et des contrées adjacentes, extrait du Mo'djem el-bouldan de Yaqout, et complété à l'aide de documents arabes et persans pourla plupart inédits* / Ch. Barbier de Meynard. — Paris : Impr. impériale, 1861. — 639 p.
10. *Genghiz Khan : The History of the World Conqueror* by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / trans. by J. A. Boil. — Manchester University Press, UNESCO Publishing, 1997. — Pp. lxxvii+763 pp.
11. *The Secret History of the Mongols* : in 2 vols. / Transl. and comment. by I. de Rachewilts. — Leiden, Boston : Brill, 2004. — Vol. I. — Pp. cxxvii+642.

Литература

1. *Бубенок О. Б.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.) / О. Б. Бубенок. — Киев : Истина, 2004. — 324 с. — ISBN 966-7613-53-4.
2. *Бзаров Р. С.* Из истории аланской культуры / Р. С. Бзаров. — Владикавказ : СЕМ, 2014. — 400 с. — ISBN 978-5-91139-299-4.
3. *Бибииков М. В.* Византийский источник по истории Руси и Кавказа / М. В. Бибииков. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. — 314 с. — ISBN 5-89329-150-6.
4. *Ванеев З. Н.* Избранные работы по истории осетинского народа / З. Н. Ванеев. — Цхинвали : Ирыстон, 1989. — 417 с.
5. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. / А. В. Гадло. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 1994. — 238 с. — ISBN 5-288-01010-2.
6. *Головнев А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии) / А. В. Головнев. — Екатеринбург : УрО РАН ; Волот, 2009. — 496 с. — ISBN 978-5-89088-037-6.
7. *Гуриев Т. А.* К истории алано-монгольских отношений в первой половине XIII в. / Т. А. Гуриев // Сборник избранных статей. — Владикавказ : Издательство СОГУ, 2010. — С. 80—87. — ISBN 978-5-8336-0602-5.
8. *Гутнов Ф. Х.* Экзусиократор Алании и архонт Азии в X—XI вв. / Ф. Х. Гутнов // NARTAMONG.Е. Журнал Алано-Осетинских исследований : Эпос. Мифология. Язык. — 2007. — Т. IV. — № 1—2. — С. 241—263.
9. *Гутнов Ф. Х.* Феодалные общества Северного Кавказа в предмонгольский период / Ф. Х. Гутнов // NARTAMONG.Е. Журнал Алано-Осетинских исследований : Эпос. Мифология. Язык. — 2008. — Т. V. — № 1—2. — С. 205—243.

10. Гутнов Ф. Х. Княжеский род алан в «Памятнике эриставов» / Ф. Х. Гутнов // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник : восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е. И. Мельникова. — Москва : ИВИ РАН, 2009. — С. 93—96. — ISBN 978-5-94067-265-4.
11. Гутнов Ф. Х. Горский феодализм. Северный Кавказ в XIII—XV вв. / Ф. Х. Гутнов. — Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. — Часть III. — 494 с. — ISBN 978-5-91480-217-9.
12. Делез Ж. Анти-Эдип : капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с фран. Д. Кралечкина. науч. ред. В. Ю. Кузнецов. — Екатеринбург : У-Фактория, 2007. — 672 с. — ISBN 978-5-9757-0192-3.
13. Делез Ж. 1227 — Трактат о номадологии : машина войны / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Тысяча плато : капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я. И. Свицкого, науч. ред. В. Ю. Кузнецов. — Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. — С. 587—717. — ISBN 978-5-9757-0527-3.
14. Жарко С. Б. Венгерские источники о монголах и Руси XIII в. / С. Б. Жарко // Працы гістарычнага факультэта БДУ. — 2015. — Т. 1. — Выпуск 10. — С. 202—211.
15. Казиев Э. В. Структура черкесских братств по воспоминаниям Д. С. Белла / Э. В. Казиев // Известия СОИГСИ. — 2018. — № 28 (67). — С. 51—41.
16. Казиев Э. В. Аланы/асы на средневековой китайской карте / Э. В. Казиев // Вестник СОГУ. — 2022. — № 1. — С. 20—29. — DOI: 10.29025/1994-7720-2022-1-20-28.
17. Калинина Т. М. Йакут : Первоисточники первых сведений о Хазарии и Хазарском море / Т. М. Калинина // «Хазарский альманах». — 2016. — Т. XIII. — С. 96—110.
18. Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII—XIV вв. / И. Г. Коновалова. — Москва : Восточная литература, 2009. — 223 с. — ISBN 978-5-02-036420-2.
19. Кузнецов В. А. Алания в X—XIII в. / В. А. Кузнецов. — Орджоникидзе : Ир, 1971. — 245 с.
20. Кузнецов В. А. Аланы и Кавказ : осетинская эпопея обретения Родины / В. А. Кузнецов. — Владикавказ : Проект-Пресс, 2014. — 160 с.
21. Кузнецов В. А. Заметки к истории христианства в Алании / В. А. Кузнецов // Nartamongæ. Журнал Алано-Осетинских Исследований : Эпос, Мифология, Язык, История. — 2020. — Т. XV. — № 1, 2. — С. 266—291.
22. Кушкумбаев А. К. Институт бахадуров в военной организации империи джучидов / А. К. Кушкумбаев // Золотоордынская цивилизация. — 2015. — № 8. — С. 137—148.
23. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Е. И. Кычанов. — Москва : Восточная литература РАН, 1997. — 319 с. — ISBN 5-02-017419-7.
24. Малахов С. Н. К вопросу о локализации епархиального центра в Алании в XII—XVI вв. / С. Н. Малахов // Аланы : Западная Европа и Византия / Отв. ред. В. Х. Тменов. — Владикавказ : Издательство СОИГСИ, 1992. — С. 149—171.
25. Малахов С. Н. Печать протопроедра и эксусиократора всей Алании Константиана : проблемы атрибуции и датировки / С. Н. Малахов // Аланское православие : история и культура : сборник материалов VI Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». — Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им. М. В. Гасиева, 2017. — С. 103—114.
26. Малахов С. Н. Епископ Феодор и Аланская Церковь в первой четверти XIII в. / С. Н. Малахов // Вестник СОГУ. — 2022. — № 1. — С. 29—43. — DOI: 10.29025/1994-7720-2022-1-29-43.

27. Мамиев М. Э. О социальной принадлежности Урдура / М. Э. Мамиев // Известия СОИГСИ. — 2016. — № 22 (61). — С. 13—22.
28. Савенко С. Н. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X—XII вв. н.э. / С. Н. Савенко. — Пятигорск, Казань : ИД «Казанская недвижимость», 2017. — 384 с. — ISBN 978-5-9909918-5-9.
29. Туаллагов А. А. «Магас» — столица Алании / А. А. Туаллагов // ALANICA. Сборник избранных статей доктора исторических наук А. А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения. — Владикавказ : СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. — С. 527—561. — ISBN 978-5-91480-276-6.
30. Фидаров Р. Ф. Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании / Р. Ф. Фидаров // Историко-филологический архив. — 2011. — № 7. — С. 4—26.
31. Хотко С. Х. Этнонимия Северо-Западного Кавказа в XIII—XV / С. Х. Хотко // Вестник КБИГИ. — 2015. — № 4 (27). — С. 54—61.
32. Alemany A. The “Alanic” title *Bayātar / A. Alemany // Nartamongæ. Журнал алаано-осетинских исследований : эпос, мифология, язык. — 2002. — Т. I. — № 1. — С. 77—87.
33. Pelliot P. Notes on Marco Polo / P. Pelliot. — Paris : Imprimerie Nationale, 1959. — Vol. I. — 611 p.

Material resources

- Abu Hamid Al-Garnati's journey to Eastern and Central Europe. (1971). Moscow: The main editorial office of Oriental Literature. 137 p. (In Russ.).
- Alemany, A. (2000). *Sources on the Alans: a critical compilation*. Leiden, Boston, Köln: Brill. 460 p. ISBN 9004114424.
- Anninsky, S. A. (1940). News of the Hungarian missionaries of the XIII—XIV centuries, about Tatars and Eastern Europe. In: *Historical Archive, I*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. 71—112. (In Russ.).
- Barbier de Meynard, Ch. (1861). *Yaqut ibn 'Abd Allah al-Hamawi. Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse et des contrées adjacentes, extrait du Mo'djem el-bouldan de Yaqout, et complété à l'aide de documents arabes et persans pour la plupart inédits*. Paris: Impr. Impériale. 639 p. (In Franc.).
- Gagloti, Yu. S. (2007). *Alano-Georgika. Information from Georgian sources about Ossetia and Ossetians*. Vladikavkaz: Ir. 238 p. ISBN 5-7534-0388-3. (In Russ.).
- Grigor Aknerzi. (2019). The history of the Strelkov people. In: *The Golden Horde in sources. Armenian sources, 5*. Moscow: “Center for the Study of Military and General History”. 17—122. (In Russ.).
- Genghiz Khan: *The History of the World Conqueror* by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini (1997). Trans. by J. A. Boil. Manchester University Press, UNESCO Publishing. Pp. lxvii+763 pp.
- Rashid al-Din. (1960). *Collection of Chronicles, II*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. 253 p. (In Russ.).
- Song Lian. (1997). *The history of the [dynasty] Yuan, 5,10,11*. Beijing: Chinese publishing house. 1265—1585; 2869—3180; 3181—3470/ (In Chine.).
- The complete collection of Russian Chronicles. Novgorod Karamzin Chronicle, 42*. (2002). St. Petersburg: “Dmitry Bulanin”. 224 p. (In Russ.).
- The Secret History of the Mongols: in 2 vols, I*. (2004). Leiden, Boston: Brill. cxxvi+642.

References

- Aleman, A. (2002). The “Alanic” title *Bayātar. *Nartamongæ. Journal of Alano-Ossetian Studies: Epic, mythology, language*, 1 (1): 77—87.
- Bibikov, M. V. (1999). *The Byzantine source on the history of Russia and the Caucasus*. St. Petersburg: Aleteya. 314 p. ISBN 5-89329-150-6. (In Russ.).
- Bubenok, O. B. (2004). *Alans-aces in the Golden Horde (XIII—XV centuries)*. Kiev: Istina. 324 p. ISBN 966-7613-53-4. (In Russ.).
- Bzarov, R. S. (2014). *From the history of Alan culture*. Vladikavkaz: SEM. 400 p. ISBN 978-5-91139-299-4. (In Russ.).
- Deleuze, J., Guattari, F. (2007). *Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia*. Yekaterinburg: U-Factoria. 672 p. ISBN 978-5-9757-0192-3. (In Russ.).
- Deleuze, J., Guattari, F. (2010). 1227 — Treatise on nomadology: the machine of war. In: *A Thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia*. Yekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel. 587—717. ISBN 978-5-9757-0527-3. (In Russ.).
- Fidarov, R. F. (2011). The role of the Upper Julat in the state ideology of Alanya. *Historical and Philological Archive*, 7: 4—26. (In Russ.).
- Gadlo, A. V. (1994). *Ethnic history of the North Caucasus of the X—XIII centuries*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 238 p. ISBN 5-288-01010-2. (In Russ.).
- Golovnev, A. V. (2009). *Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia)*. Yekaterinburg: URO RAS; Volot. 496 p. ISBN 978-5-89088-037-6. (In Russ.).
- Guriev, T. A. (2010). On the history of Alan-Mongolian relations in the first half of the XIII century. In: *Collection of selected articles*. Vladikavkaz: SOGU Publishing House. 80—87. ISBN 978-5-8336-0602-5. (In Russ.).
- Gutnov, F. H. (2007). Exusiorator of Alanya and Archon of Asia in the X—XI centuries. *NARTAMONGÆ. Journal of Alano-Ossetian Studies: Epic. Mythology. Language*, IV (1—2): 241—263. (In Russ.).
- Gutnov, F. H. (2008). Feudal societies of the North Caucasus in the pre-Mongol period. *NARTAMONGÆ. Journal of Alano-Ossetian Studies: Epic. Mythology. Language*, V (1—2): 205—243. (In Russ.).
- Gutnov, F. H. (2009). The Princely clan Alan in the “Monument of the Eristavs”. In: *Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. The author and his source: perception, attitude, interpretation. XXI Readings in memory of V. T. Pashuto. Materials of the conference*. Moscow: IVI RAS. 93—96. ISBN 978-5-94067-265-4. (In Russ.).
- Gutnov, F. H. (2014). *Mountain feudalism. The North Caucasus in the XIII—XV centuries, III*. Vladikavkaz: CPI SOIGSI VNC RAS and RSO-A. 494 p. ISBN 978-5-91480-217-9. (In Russ.).
- Kaziev, E. V. (2018). The structure of Circassian fraternities according to the memoirs of D. S. Bell. *Bulletin of the SOIGSI*, 28 (67): 51—41. (In Russ.).
- Kaziev, E. V. (2022). Alans/Aces on the medieval Chinese map. *Bulletin of SOGU*, 1: 20—29. DOI: 10.29025/1994-7720-2022-1-20-28. (In Russ.).
- Kalinina, T. M. (2016). Yakut: Primary sources of the first information about Khazaria and the Khazar Sea. “*Khazar Almanac*”, XIII: 96—110. (In Russ.).
- Khotko, S. H. (2015). Ethnonymy of the North-West The Caucasus in the XIII—XV. *Bulletin of KBIGI*, 4 (27): 54—61. (In Russ.).
- Konovalova, I. G. (2009). *Eastern Europe in the writings of Arab geographers of the XIII—XIV centuries*. Moscow: Oriental Literature. 223 p. ISBN 978-5-02-036420-2. (In Russ.).

- Kushkumbaev, A. K. (2015). Institute of Bahadurs in the military organization of the Juchid Empire. *Golden Horde civilization*, 8: 137—148. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. A. (1971). Alania in the X—XIII century. Ordzhonikidze: Ir. 245 p. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. A. (2014). *Alans and the Caucasus: the Ossetian epic of finding the Motherland*. Vladikavkaz: Project-Press. 160 p. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. A. (2020). Notes on the history of Christianity in Alanya. Nartamongæ. *Journal Of Alano-Ossetian Studies: Epic, Mythology, Language, History, XV (1,2)*: 266—291. (In Russ.).
- Kychanov, E. I. (1997). *Nomadic states from the Huns to the Manchus*. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences. 319 p. ISBN 5-02-017419-7. (In Russ.).
- Malakhov, S. N. (1992). On the issue of localization of the diocesan center in Alanya in the XII—XVI centuries. In: *Alans: Western Europe and Byzantium*. Vladikavkaz: SOIGSI Publishing House. 149—171. (In Russ.).
- Malakhov, S. N. (2017). The seal of the protoproedr and exusiocrator of the whole of Alanya Konstantin: problems of attribution and dating. In: *Alan Orthodoxy: history and culture: a collection of materials of the VI St. George Readings "Orthodoxy. Ethnic group. Culture"*. Vladikavkaz: Publishing and Printing Enterprise named after M. V. Gassiev. 103—114. (In Russ.).
- Malakhov, S. N. (2022). Bishop Theodore and the Alan Church in the first quarter of the XIII century. *Bulletin of SOGU*, 1: 29—43. DOI: 10.29025/1994-7720-2022-1-29-43. (In Russ.).
- Mamiev, M. E. (2016). On Urdur's social affiliation. *Bulletin of the SOIGSI*, 22 (61): 13—22. (In Russ.).
- Pelliot, P. (1959). *Notes on Marco Polo, I*. Paris: Imprimerie Nationale. 611 p.
- Savenko, S. N. (2017). *Characteristics of the social development of the Alan Societies of the North Caucasus based on the materials of catacomb burial grounds of the X—XII centuries AD*. Pyatigorsk, Kazan: Publishing house "Kazan real estate". 384 p. ISBN 978-5-9909918-5-9. (In Russ.).
- Tuallagov, A. A. "Magas" — the capital of Alanya. In: *ALANICA. Collection of selected articles by Doctor of Historical Sciences A. A. Tuallagov. To the 50th anniversary of his birth*. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS. 527—561. ISBN 978-5-91480-276-6. (In Russ.).
- Vaneev, Z. N. (1989). *Selected works on the history of the Ossetian people*. Tskhinvali: Iryston. 417 p. (In Russ.).
- Zharko, S. B. (2015). Hungarian sources about the Mongols and Russia of the XIII century. *Prats gistarychnaga faculty of BDU*, 1 (10): 202—211. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.04.2022,
одобрена после рецензирования 22.07.2022,
подготовлена к публикации 27.08.2022.